

«Не надо ничего бояться»

О Приднестровье

Это одна из сложнейших проблем, доставшаяся нам после крушения Советского Союза. Там, во-первых, население где-то свыше полу-миллиона человек, по-моему, если я не ошибаюсь. Люди настроены действительно очень пророссийски, большое количество российских граждан проживает в Приднестровье. У людей есть собственное представление о том, как им строить своё будущее, свою судьбу. И это не что другое, как проявление демократии, если мы позволим этим людям сделать так, как они хотят. Нужно, безусловно, вести диалог и с Молдовой, и с Украиной, нужно интенсифицировать переговоры в рамках «5+2» — есть такая формула: это Молдова, Приднестровье и пять государств, которые участвуют в этом процессе примирения. Но в конечном итоге, и я из этого исхожу, нужно, конечно, не медля, снять блокаду, негативные последствия которой сейчас люди, проживающие в Приднестровье, испытывают и со стороны Молдовы, и со стороны, кстати говоря, Украины. На границу между Приднестровьем и Украиной уже подтянуты националистические вооружённые формирования, и вот такая ситуация, безусловно, как можно быстрее должна быть прекращена. Но в конечном итоге людям должно быть позволено самим решать свою судьбу. Вот над этим мы вместе со всеми партнёрами и будем работать, конечно, опираясь, прежде всего, на тех людей, которые в Приднестровье проживают.

О страхах и НАТО

Страх у нас нет: ни у меня нет, ни у кого не должно быть. Но мы должны исходить из реалий. А реалии вы сейчас, в общем, достаточно образно и в присущей вам блестящей манере описали, нагнали на нас определённого страха. Повторю ещё раз, я бы не стал ничего бояться, но мы трезво должны оценивать ситуацию. А в чём она заключается? Вы, в общем-то, сейчас об этом образно сказали.

Нам когда-то обещали (я в Мюнхене в своё время говорил об этом на конференции по безопасности), что после объединения Германии не будет расширения НАТО на восток. За восточные границы НАТО, как нам тогда сказал тогдашний Генеральный секретарь НАТО, альянс двигаться не будет. А потом началось его расширение и за счёт бывших стран Варшавского Договора, а потом уже и за счёт Прибалтики, за счёт бывших республик Советского Союза. И я в своё время говорил: «Зачем вы это делаете, в чём смысл? В обеспечении безопасности этих стран? Вы думаете, на них кто-то нападёт? Ну, хорошо, достаточно заключить договор, двухсторонний договор о дружбе и взаимопомощи, в том числе о военной, и безопасность этих стран будет обе-

спечена». Ответ: «Вас это не касается. Народы и страны сами имеют право выбирать способ обеспечения своей безопасности».

Ну, хорошо, это правда. Но правда также и то, что когда инфраструктура военного блока подвигается к нашим границам, то это вызывает у нас определённое опасение и вопросы. Мы должны предпринимать какие-то шаги, и это тоже ведь правда, в этом нам тоже никто не может отказать. И это вынуждает нас к каким-то ответным действиям.

Сейчас я воспользуюсь этим и два слова ещё скажу про наши переговоры по системе противоракетной обороны, что не менее важно, а может быть, более важно, чем расширение НАТО на восток. Кстати говоря, и наше решение по Крыму в том числе было связано отчасти и с этим.

Конечно, прежде всего, и главным образом это поддержка крымчан. Но и соображение такого порядка, что если мы ничего не сделаем, что в какое-то время, руководствуясь теми же самыми принципами, втащат в НАТО Украину и скажут: «Вас это не касается», — и на-товские корабли окажутся в городе русской военно-морской славы — в Севастополе.

Но дело даже не в эмоциональной стороне этого вопроса, а дело в том, что Крым, конечно, выдается в Чёрное море, как бы в центре находится. Но, исходя вроде из военных соображений, он такого значения, как в XVIII—XIX веках, не имеет, имея в виду наличие современных ударных средств поражения, в том числе и береговых. Но если туда зайдут войска НАТО — а они же там поставят эти ударные средства, — тогда для нас это имеет уже геополитическое значение: тогда Россия окажется практически выдавленной из Причерноморья. У нас остаётся маленький кусок берега — 450 или 600 километров. Всё! И это — реально — выдавливание России из этого очень важного для нас региона мира, за который сколько косточек русских положено в течение всех предыдущих веков. Это серьёзная вещь. Поэтому бояться ничего не нужно. Но мы должны и будем учитывать эти обстоятельства и соответствующим образом реагировать. То же самое происходит, как я сейчас только сказал, и с нашими переговорами по размещению элементов противоракетной обороны США. Это не оборонительная система, это часть наступательного потенциала, вынесенного на периферию. И нам говорят: «Это не против вас». Но, вы знаете, на экспертном уровне все прекрасно понимают, что размещение этих систем ближе к нашим границам перекрывает позиции наших ракет, стратегических ракет наземного базирования. Все прекрасно это понимают, отдают полностью себе в этом отчёт. Говорят: «Поверьте нам, что это не против вас».

Вы знаете, даже на наше предложение подписать какую-то ничтожную юридическую

бумажку, где бы было написано, что это не против нас, наши американские партнёры отказываются даже от этой малости. Это удивительно, но это факт. И, естественно, у нас возникают вопросы: «А почему же вы не подписываете, если считаете, что это не против нас?» Ерунда, казалось, бумажка, она, знаете, сегодня подписана, завтра её выкинуть можно, и этого не хотят даже сделать. И когда размещают эти элементы в Европе, тогда — мы уже много-много раз об этом говорили — нам придётся что-то делать в ответ. Это раздувание гонки вооружений! Зачем это делать?

Гораздо лучше посмотреть на эту проблему, если есть какие-то ракетные угрозы с каких-то направлений, вместе решать эти вопросы, определить эти ракетные направления, определить систему управления этой системой, доступ к управлению, вместе это делать — нет, не хотят.

Мы, конечно, и дальше наберёмся терпения, будем настойчиво вести эти переговоры, но в любом случае мы сделаем всё — и я уверен, что мы добьёмся успеха, — чтобы обеспечить гарантированно обеспечить безопасность российского народа.

О безбарьерной среде

Вот что хотел бы сказать в более широком плане. Обеспечение жильём инвалидов-колясочников — это компетенция и обязанность региональных властей. В каких-то регионах эта проблема решается — и решается такими средствами, что это людям заметно, а в каких-то регионах, к сожалению, процесс движется очень медленно или не движется вообще, как, например, наверное, в вашем случае. Ещё раз хочу сказать, мы обязательно отреагируем на этот конкретный случай. Но в целом нам ещё очень многое нужно сделать для того, чтобы люди с ограниченными возможностями чувствовали себя действительно людьми в современном мире, в современном обществе. Шаги первые мы на этот счёт делаем, у нас в бюджете заложена немалая сумма на так называемую безбарьерную среду, это где-то 35 или 34,5 миллиарда рублей примерно ежегодно в течение пяти лет. Но безбарьерная среда — это немножко другая тема, это создание соответствующей среды в населённых пунктах. Повторю, жилищная проблема стоит тоже остро, находится на уровне регионов, и, наверное, нужно подумать о том, как регионам помочь для того, чтобы они могли более эффективно решать эти вопросы. А конкретно этот случай мы, конечно, рассмотрим отдельно.

Об участии в международных организациях

Вы знаете, международный мир развивается очень ин-

тенсивно. И если — я уже об этом говорил — кто-то хотел его сделать однополярным и подстроить под себя все международные организации, то это вряд ли удастся сделать. Вместе с тем мы частенько сталкиваемся с непониманием нашей позиции, а подчас даже с нежеланием её понять. Мы уже сегодня тоже об этом говорили. Мы не будем настаивать на пребывании в некоторых международных структурах, особенно если они не в состоянии проявить самостоятельность и формулировать свою собственную точку зрения на ключевые вопросы международного развития. Но специально каких-то демаршей совершать тоже не будем — будем спокойно, ритмично работать. Что касается ПАСЕ, то мы платим туда взносы, взносы немаленькие. Ну, не хотят нас видеть — от нас не убедит. Но в целом самоизоляцией заниматься тоже не намерены.

О санкционных списках

Наверное, такая попытка предпринимается — сделать меня главным объектом санкций. Но что касается этих людей, да, это мои хорошие знакомые, друзья. Они зарабатывали свои капиталы, некоторые из них ещё до того, как мы были знакомы, — например, господин Тимченко, он бизнесом занимался с начала 1990-х годов, но, по-моему, предыстория хорошо известна. Они, конечно, если по-серьёзному говорить, абсолютно никакого отношения к Крыму не имеют, просто никакого. А вот жена Геннадия Николаевича Тимченко сделала операцию и не могла даже заплатить за операцию, потому что ей заблокировали счета и карточки. Но это, конечно, просто нарушение прав человека на самом деле и ничего общего со здравым смыслом не имеет. Но должен вам сказать, что мне не стыдно за моих друзей. И, скажем, события в Крыму — они так же, как, уверен, очень многие граждане России, узнали об этом с экранов телевизора, но встречали со слезами на глазах в прямом смысле этого слова. Если их за это наказывают, то тогда их есть за что наказать.

О русском народе

Знаете, некоторые специалисты считают, что у народа как у общности людей нет своих особенностей, особенности есть только, по их мнению, у конкретного человека. Мне трудно согласиться с этой позицией, потому что, если люди пользуются одним языком, живут в рамках единого государства, проживают на одной территории, у них общие культурные ценности, у них общая история, в конце концов, они живут в рамках какой-то территории с определённым климатом, ну не может не быть каких-то общих черт.

А что касается нашего народа, то страна наша, как пылесос, втягивала в себя

представителей различных этносов, наций, национальностей. Кстати говоря, на этой основе создан не только наш общий культурный код, но и исключительно мощный генетический код, потому что за все эти столетия и даже тысячелетия происходил обмен генами, вот эти смешанные браки. И именно этот наш генный код, может быть, почти наверняка является одним из наших главных конкурентных преимуществ в современном мире. Он очень гибкий, он очень устойчивый. Мы даже этого не чувствуем, но это наверняка есть.

Что же всё-таки в основе наших особенностей? Эти особенности, конечно, есть, и в их основе, на мой взгляд, лежат ценностные ориентиры. Мне кажется, что русский человек, или, сказать пошире, человек русского мира, он прежде всего думает о том, что есть какое-то высшее моральное предназначение самого человека, какое-то высшее моральное начало. И поэтому русский человек, человек русского мира, он обращён больше не в себя, любимого... Хотя, конечно, в бытовой жизни мы все думаем о том, как жить богаче, лучше, быть здоровее, помочь семье, но всё-таки не здесь главные ценности, он развернут вовне. Вот западные ценности заключаются как раз в том, что человек в себе сам, внутри, и мерило успеха — это личный успех, и общество это признает. Чем успешнее сам человек, тем он лучше.

У нас этого недостаточно. Даже очень богатые люди всё равно говорят: «Ну заработал миллионы и миллиарды, дальше что?» Всё равно это развернуто вовне, в общество. Мне кажется, ведь только у нашего народа могла родиться известная поговорка: «На миру и смерть красна». Как это так? Смерть — это что такое? Это ужас. Нет, оказывается, на миру и смерть красна. Что такое «на миру»? Это значит, смерть за други своя, за свой народ, говоря современным языком, за Отечество. Вот в этом и есть глубокие корни нашего патриотизма. Вот отсюда и массовый героизм во время военных конфликтов и войн и даже самопожертвование в мирное время. Отсюда чувство локтя, наши семейные ценности. Конечно, мы менее прагматичны, менее расчетливы, чем представители других народов, но зато мы пошире душой. Может быть, в этом отражается и величие нашей страны, её необозримые размеры. Мы пощедрее душой.

Я никого не хочу при этом обидеть. Ведь у многих народов есть свои преимущества, но это, безусловно, наше. В современном глобальном мире происходит интенсивный обмен: и генетический обмен, и информационный, и культур-

ный, и нам, безусловно, есть что взять у других народов ценного и полезного, но мы всегда, сотнями лет опирались на свои ценности, они нас никогда не подводили, и они нам ещё пригодятся».

Несмотря на почти четырех-часовой диалог главы государства с гражданами, представители СМИ, наблюдавшие за прямой телетрансляцией в со-

седнем со студией зале, после окончания «прямой линии» окружили президента и наперебой задавали вопросы. Одни хотели уточнить про возможное использование российских войск

на Украине, другие — про резиденции в Крыму, а третьи — про отношения с зарубежными коллегами.

На вопрос, что могло бы стать «чертой», после которой Россия может ввести войска на Украину, Путин отвечать не стал, пояснив, что «любые слова, неаккуратно брошенные в этой ситуации и в этой сфере, могут негативно повлиять на развитие самого процесса». Он очень надеется, что усилия дипломатов в Женева позволят «украинским коллегам и друзьям на всей территории Украины, где бы они ни проживали, найти консенсус, который обеспечивал бы интересы всех граждан», в том числе русско-язычного и русского населения юго-востока.

На вопрос, с кем из западных коллег он бы пошёл в разведку, Путин ответил, что для того, чтобы получить информацию, у них есть разведслужбы. Западные лидеры, как правило, порядочные, интересные люди, надежные партнёры, подчеркнул президент, но обременены обязательствами, особенно если их страны входят в военно-политические блоки. По сути, эти государства добровольно отказались от части суверенитета, сказал президент.

Очень активны были иностранцы, в частности, из Китая и Италии. Скоро Путин приедет в КНР. «У меня сложились не только деловые, но и очень хорошие личные и, я могу с полной уверенностью сказать, дружеские отношения с председателем Си Цзиньпином», — заметил он. Летом председательство в ЕС переходит к Италии, и президент рассчитывает, что это придаст новый импульс отношениям России и Европы.

Глава государства также заявил, что у него пока не будет резиденции в Крыму. А вот у правительства может появиться. Всего на полуострове около 200 различных резиденций, и все они, как правило, в плачевном состоянии.

Владимир Путин также призвал не спешить с изменением бюджетного правила, добавив, что решение — в компетенции правительства

➤ «Мы всегда, сотнями лет, опирались на свои ценности, они нас никогда не подводили, и они нам ещё пригодятся»